

Стояло еще раннее утро, когда Линь Цинюй почувствовал рядом с собой движение. Он всегда чутко спал, и поскольку для него уже наступило обычное время для пробуждения, то быстро открыл глаза.

Он лежал на краю кровати. Его взгляд задержался на догоревших красных свечах, освещенных проникающим из окна тусклым утренним светом. Слегка повернувшись, он посмотрел на мужчину, лежащего сейчас рядом с ним... или, скорее, на молодого человека. Тот крепко спал, повернувшись к нему лицом. Пол-лица и рука, подпиравшая голову, только они и торчали из-под одеяла, в то время как другая рука обхватила его за талию.

Прошлой ночью Гу Фучжоу сильно напился, Линь Цинюй пришлось самому снимать с него свадебный наряд, и после долгих трудностей он сумел засунуть его под одеяло. Первоначально сам он планировал обойтись кроватью в кабинете, но передумал. В конце концов, это была их брачная ночь. Во время их предыдущей брачной ночи они даже не знали друг друга, но спали при этом в одной комнате. Если они сейчас заснули бы в разных комнатах, то получается, что два года их знакомства просто ничего не значили.

В комнате для новобрачных стояла только одна кровать, и не было никакого луоханя. Линь Цинюй подумал немного и, используя все свои силы, откатил Гу Фучжоу подальше от края, просто улегшись с краю.

Линь Цинюй уже заранее предвидел, что выспаться хорошо у него этой ночью не получится. Однако он не ожидал, что Гу Фучжоу будет таким дисциплинированным спящим, он даже переворачивался очень редко. Неудивительно, что он смог спокойно спать во время вражеской атаки в Юнляне. В конце концов, у Линь Цинюя не было особого выбора, кроме как уложить генерала в определенную позу, накинув на его плечи одеяло.

Хотя этому телу сейчас было полных девятнадцать лет, генерал все еще спал как младенец. Линь Цинюй не смог удержаться, он протянул руку и коснулся прямой линии носа Гу Фучжоу. Затем он попытался встать, но...

Он не смог приподняться. Гу Фучжоу... придавил его волосы.

Длинные волосы Линь Цинюя были основательно прижаты спящим Гу Фучжоу. Если бы он сейчас резко встал, это было бы очень больно. Он попытался оттолкнуть Гу Фучжоу в сторону, но тот оставался совершенно неподвижным. Тогда Линь Цинюй попытался вытянуть свои волосы из-под придавившего его тела. Но это тоже не увенчалось успехом. Вместо этого он навредил себе еще больше, пока пытался это сделать. Настолько, что у него в какой-то момент даже возникло искушение отравить виновника его плачевного положения.

Линь Цинюй больше не в силах был это терпеть. Разбудить Гу Фучжоу, окликав его, никак не получалось. Поэтому он просто зажал ему нос. Неважно как сильно Гу Фучжоу любил поспать. Не имея возможности нормально дышать, он нахмурился, затем открыл глаза, а увидев перед своим лицом лицо Линь Цинюя, от удивления открыл и рот.

Линь Цинью холодно поинтересовался: «Проснулся?»

Разбуженный таким жестоким способом, Гу Фучжоу все еще пребывал немного в прострации, не проснувшись до конца. Это ясно читалось в его сонных глазах. Не в силах отвести взгляд, он пристально всматривался в такое близкое лицо. Сонный туман медленно рассеивался, его глаза постепенно прояснялись.

«Почему ты...» – голос только что проснувшегося Гу Фучжоу звучал низко и хрипло. Поняв, где находится его рука, его глаза внезапно расширились. Пальцы сжались в кулак, казалось, что он не знал, куда деть свои руки в следующий момент.

«Что ты делаешь в моей постели?»

Линь Цинью равнодушно спросил: «А ты как думаешь?»

«Я силой затащил тебя в постель?! – Гу Фучжоу был глубоко потрясен. — Я никогда не знал, что во мне дремлет подобный зверь!»

Линь Цинью фыркнул холодно: «Как будто ты смог бы! – собрав все свои волосы в одну руку, он ткнул кулаком в руку Гу Фучжоу. – А теперь приподнимись и выпусти меня».

Гу Фучжоу сменил позу, и Линь Цинью наконец обрел свободу. Сев, он скомандовал: «Раз ты проснулся, тогда вставай».

Гу Фучжоу пытался вспомнить, что же произошло этой ночью. Но все, что он помнил, это как толкнул дверь в радостном предвкушении только для того, чтобы увидеть великолепного красавчика без свадебного покрывала. Это подняло ему давление до небес. После он уже ничего не помнил, должно быть он просто вырубился.

Он не принуждал Линь Цинюю спать с ним в одной постели. Значит, Линь Цинью добровольно лег вместе с ним? Неужели нечто настолько хорошее действительно могло произойти?

Черт, как он мог просто вырубиться прошлой ночью? В его возрасте, когда рядом с ним лежал такой красавчик... О, как он мог заснуть?!

Линь Цинью, наблюдавший за неподвижным Гу Фучжоу, спросил: «Так ты не собираешься вставать?»

Гу Фучжоу, постепенно приходя в себя от первоначального шока, медленно проговорил: «Почему ты встал так рано? Тебе даже незачем подавать чай моим родителям».

Линь Цинью продолжал настаивать: «Вставай и пошли завтракать».

«Мы можем поспать еще немного, просто перекусив потом в полдень, когда подойдет время, – засмеялся Гу Фучжоу, забравшись под одеяло. – Циньюй, мы впервые спим вместе, давай поваляемся вместе еще немного».

Линь Циньюй не имел привычки долго нежиться в постели, но, увидев выжидающий и просящий взгляд Гу Фучжоу, он все же решился снова лечь. Аккуратно собрав свои длинные волосы на одну сторону и убедившись, что Гу Фучжоу не сможет их больше придавить, он лег рядом. Вот так они и лежали, лицом к лицу, болтая на разные темы.

Линь Циньюй спросил его: «Среди вчерашних гостей были какие-нибудь чиновники суда?»

Гу Фучжоу рассеянно ответил: «Их было немного, не все чиновники тупые мудаки... Сяо Цзе тоже пришел и принес много щедрых подарков. Хм-м-м, это, безусловно, отличный способ заработать денег. Циньюй, выйди за меня замуж еще несколько раз, и мы быстро станем самыми богатыми людьми в столице».

Линь Циньюй был не в настроении обращать внимание на глупости Гу Фучжоу. Он сосредоточился только на полезном, спросив: «Как твои нынешние отношения с Сяо Цзе?»

«Он восхищен этим генералом. Он даже сказал, что хочет попробовать подержать копьё Циньюнь Цзючжоу своими руками».

Линь Циньюй внезапно понял, что, несмотря на то, что Гу Фучжоу уже так долго пребывал в столице, он тоже еще ни разу не видел легендарное божественное копьё: «Ты держишь копьё Циньюнь Цзючжоу на тренировочной площадке?»

Гу Фучжоу хитро улыбнулся, ответив: «Это подарок от императорской семьи. Конечно же, я держу его в своей комнате, чтобы проявить к нему должное уважение».

«В твоей комнате? – Линь Циньюй огляделся. – И где оно?»

Гу Фучжоу лениво указал в угол: «Вон там».

Линь Циньюй увидел что-то похожее на столб, сиротливо приткнутый в углу комнаты. На первый взгляд это было похоже на железный прут с привязанным к нему красным шелком.

Гу Фучжоу небрежно добавил: «Это превосходная вешалка для одежды».

Линь Циньюй просто не знал, что сказать на подобное заявление.

Пролежав в одном положении долгое время, он захотел сменить позу и, поднимая руку, случайно наткнулся на кое-что внизу. Он не мог не застыть, быстро отдернув руку как будто

обжегся.

Некто рядом с ним казался таким спокойным, непринужденно разговаривал и легко смеялся тут же, лежа расслабленно в постели. Но на самом деле он был... таким энергичным?

Гу Фучжоу тоже на мгновение стушевался, и вся атмосфера тоже внезапно стала немного неловкой.

После короткого молчания Гу Фучжоу спросил, как всегда, не удержавшись от поддразнивания: «Что такое с твоей реакцией? Ты думаешь, что испортишь свою прекрасную руку?»

Это «испортишь свою прекрасную руку» заставило Линь Цинюя небрежно рассмеяться: «Я так не думаю».

«Раньше ты был не таким, старик...» – Гу Фучжоу начал передразнивать его тон и манеру говорить. Поскольку оба они были так хорошо знакомы друг с другом, что его подражание Линь Цинюю было гораздо лучше, чем подражание Сяо Чэну. – Но будучи лекарем нет ничего такого, с чем бы я там не был знаком. Тебе вовсе не обязательно поднимать из-за этого такой шум».

Гу Фучжоу так хорошо подражал ему самому, что Линь Цинюй сейчас вообще не мог опровергнуть ни одно его слово. Он действительно был знающим и опытным лекарем. И для него эта штука была не более чем куском плоти. Когда раньше у Лу Ваньчэна там не вставало, он мог даже спокойно предложить проверить его. Он и сам не знал, почему так отреагировал сейчас.

После некоторого раздумья Линь Цинюй ответил: «Может быть это как-то связано с тем, что сейчас ты используешь тело генерала Гу».

«Какое это имеет к этому отношение?»

«Я долгое время восхищался генералом Гу и не хочу проявлять к нему подобное непочтение».

Гу Фучжоу холодно фыркнул, оборвав: «Да перестань. Ты даже лег этой ночью ко мне в постель. А сейчас оправдываешь свою реакцию нынешним телом?»

Линь Цинюй потерял дар речи. Решив уже просто разбить треснувший горшок, он быстро признался: «Да-да, я действительно думаю, что это испортит мою прекрасную руку».

Гу Фучжоу радостно зааплодировал, заметив с ликованием: «Замечательно, как и ожидалось от лекаря Линя».

После этого, в течение всего оставшегося дня, всякий раз, когда Гу Фучжоу видел Линь Цинюя, он хватал его за руку, делая вид, что встревоженно осматривает ее, и спрашивал: «Почему рука лекаря Линь все еще выглядит нормально? Когда она проявит признаки порчи?..»

Линь Цинюй не мог уже не задаться вопросом, было ли его решение выйти второй раз замуж за Гу Фучжоу все-таки правильным. К вечеру он приказал слугам перенести двухъярусную кровать из его резиденции Линь в комнату для новобрачных.

После свадьбы Гу Фучжоу не нужно было появляться в суде следующие три дня. Пока Линь Цинюй указывал слугам куда убрать принесенные вещи, Гу Фучжоу находился рядом с ним, откровенно бездельничая.

Увидев закрытую деревянную коробку, он спросил вскользь: «Что там?»

Линь Цинюй пристально взглянул на него, затем отослал слуг прочь. Открыв деревянную коробку, он объяснил: «Это мемориальная табличка генерала Гу. Есть ли в этой резиденции уединенная комната?»

«Я попрошу Юань Иня подобрать для тебя такую комнату... Тут лежат две таблички. Чья вторая?»

Линь Цинюй проговорил тише: «Ты можешь сам взять и посмотреть».

Гу Фучжоу достал обе таблички. Одна действительно принадлежала генералу Гу, а другая...

Гу Фучжоу чуть не отбросил вещь, которую держал в руке: «Что это? Кто такой Цзян Дачжуан?»

Не моргая, с застывшим взглядом, направленным куда-то вглубь себя, Линь Цинюй объяснил: «Тогда я не знал, удалось ли тебе выжить или нет. И я решил сделать для тебя мемориальную табличку. Если бы ты действительно умер, без мемориальной таблички ты бы даже не смог насладиться благовониями от будущих поколений».

«Я понимаю твои добрые намерения, – выражение лица Гу Фучжоу было сейчас сложным. – Но почему ты решил, что меня зовут именно так?»

Линь Цинюй улыбнулся натянуто, сдерживая нахлынувшие эмоции: «Ты сам мне это сказал. Сначала ты сказал, что тебя зовут Чжу Дачжуан, а затем ты изменил свою фамилию на Цзян, так что, естественно, что верно будет „Цзян Дачжуан“».

Гу Фучжоу вдруг громко рассмеялся, признавшись: «Знаешь, я шутил же тогда. Почему ты воспринял это все всерьез?»

Резко захлопнув крышку деревянного ящика, Линь Цинюй сухо заметил: «Если бы я знал, что это все твои шутки, стал бы я писать такое на дощечке? По сути я вообще не знаю твоего имени, – кадык Линь Цинюя резко перекатился вверх-вниз. – Я спрашивал тебя, но ты мне так и не сказал».

Гу Фучжоу нахмурился, став чрезвычайно серьезным: «Когда ты спрашивал меня?» – переспросил он.

Четко понимая, что это всего лишь был его сон, и произносить это вслух кажется очень неразумным, Цинюй все равно произнес обвиняющим тоном: «На седьмой день после твоей смерти я спросил тебя. Несколько раз спрашивал тебя... Я гнался за тобой, спрашивая и спрашивая. Но ты все равно ушел, не оглядываясь, как выяснилось, так и не ответив на мой вопрос».

Гу Фучжоу пробормотал: «Разве это был не просто сон... Черт, можно ли установить связь с помощью снов?»

Прищурившись Линь Цинюй, переспросил: «Что ты имеешь в виду?»

Линь Цинюй сидел прямо за столом, следуя взглядом за Гу Фучжоу, смотрел, как тот подтаскивает за собой табурет поближе к нему. Несмотря на то, что сейчас они оба сидели, Гу Фучжоу все еще возвышался над ним. Когда он обратился к нему, ему пришлось, наклониться поближе, склонив голову: «Мне очень жаль, Цинюй. Я не знал тогда, смогу ли выжить».

Линь Цинюй удивленно переспросил: «Ты... знаешь об этом сне?»

Гу Фучжоу серьезно кивнул: «Именно после того сна я проснулся в теле генерала Гу».

Линь Цинюй резко встал: «Так это действительно был ты? Ты действительно отказался назвать мне свое имя...»

«Я просто подумал, что если умру, то тебе будет легче забыть обо мне, если ты не будешь знать моего имени».

Стиснув зубы, Линь Цинюй процедил каждое слово: «Знаешь ли ты, что у меня абсолютная память? Я даже петуха, который занял твое место на нашей свадьбе, забыть не могу! С чего ты решил, что я смогу забыть тебя?!»

Гу Фучжоу виновато улыбнулся: «Прости. Я был неправ. – Гу Фучжоу взял его за руку. Один стоял, а другой сидел, и теперь именно Линь Цинюй возвышался над Гу Фучжоу. Гу Фучжоу смотрел на него снизу-вверх, продолжив. – Я расскажу тебе сейчас, хорошо? У меня красивое имя».

«Мне больше это не интересно, – спокойно произнес Линь Цинюй, отвернувшись, не желая видеть его. – Мне все равно, как тебя зовут, это не имеет ко мне никакого отношения».

Делая вид, что серьезен донельзя, Гу Фучжоу заметил: «Плохо дело, мне не спастись. Кажется, с момента нашего воссоединения еще никогда лекарь Линь не злился сильнее, чем сегодня. Он даже злее, чем когда подверг сомнению промах Шэнь Хуайши, по сути обвиняя его в мягкосердечии».

Линь Цинюй действительно был зол. Вспоминая то чувство утраты, испытываемое после того сна, ему дико хотелось просто придушить Гу Фучжоу насмерть.

«Позволить тебе потрогать мой пресс, чтобы задобрить тебя, будет сейчас явно недостаточно. Хочешь я позволю тебе потереться об него лицом?»

Он пребывал уже в бешенстве, а этот человек все еще был в настроении шутить с ним?!

С каменным лицом Линь Цинюй холодно заметил: «Забудь об этом, я боюсь испортить свое лицо».

<http://bllate.org/book/15122/1336685>